

Айгуль Аксанова

Улицы
Севильи

Айгуль Иксанова
Улицы Севильи

«Издательские решения»

2015

Иксанова А.

Улицы Севильи / А. Иксанова — «Издательские решения», 2015

Повесть «Улицы Севильи» и рассказы совсем еще молодого прозаика Айгуль Иксановой объединяет сочетание философско-мистической направленности и динамичного приключенческого сюжета. Размышления о смысле жизни, о Боге и религии, о любви и судьбе делают книгу чем-то похожей на «Алхимика» Пауло Коэльо. Необычность построения сюжетных линий и реалии современной российской действительности – все это отличает весьма своеобразную прозу Айгуль Иксановой от известных произведений схожих жанров.

© Иксанова А., 2015

© Издательские решения, 2015

Айгуль Иксанова

Улицы Севильи

© Айгуль Иксанова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

* * *

Это был день ее рождения. Девочке исполнилось двенадцать лет, ее звали Настя, и она любила танцевать.

Свой двенадцатый день рождения она отмечала в одиночестве, без подарков и поздравлений, свернувшись калачиком на стареньком продавленном кресле, безразлично щелкая пультом телевизора, равнодушная ко всему.

Подобное безразличие посещало ее нечасто, ведь, как уже было сказано, девочка любила танцевать. Очень любила.

Природа была щедра к ней, такой маленькой и хрупкой, подарив гибкость, пластичность, прекрасное чувство ритма, а также решительность, граничащую с бесшабашностью, и прекрасные светлые, слегка золотистые волосы, прямые и тяжелые, которые она обычно стягивала узлом на затылке, чтобы непослушные пряди не мешали ее танцу. Собственно, на этом подарки судьбы и кончались, жизнь маленькой Насти была не такой уж светлой, в отличие от ее волос, хотя, несомненно, не менее тяжелой.

В детстве ей не давал покоя вопрос: «Где мой папа?», но ответа девочка так и не получила. Эти странные люди – взрослые – почему-то вдруг отводили глаза, отворачивали лица и пускались в пространные непонятные рассуждения, сбивая бедную малышку с толку и успешно избегая объяснений.

Настя поняла все сама, когда стала чуть постарше, и уже больше не заводила разговоров об отце. Потом, когда ей исполнилось десять, она могла бы спрашивать: «Где моя мама?», но девочка, преждевременно повзрослевшая от насмешек и обид (ведь дети, с которыми ей приходилось общаться, часто были, пусть неосознанно, но жестокими: странно, дети зачастую бывают жестоки, наверное, потому что еще пока не научились жертвовать правдой ради чужого спокойствия), ни на миг не поверила в историю с маминой болезнью и внезапным отъездом. Девочка знала, что та не вернется: ее мама оставила этот мир и своих детей, дочь и маленького сына, оставила одинокими, беззащитными и, как это ни печально, никому не нужными. Настя помнила, как ее привезли в этот дом, где жила двоюродная бабка, как потом, жалуясь на бесконечный плач ребенка, та забрала пятилетнего Настиного братишку в город, а вернулась одна, оставив его на попечение воспитателей переполненного детского дома. Через полгода мальчика усыновила бездетная пара, ему дали новую фамилию, и Настя окончательно потеряла его следы.

Утрата последнего близкого ей существа – брата – и стала главным потрясением, возможно, главной драмой в жизни девочки, лишенной любви и ласки, так необходимых каждому ребенку. Настя часто вспоминала горестный момент прощания, ей по ночам чудился плач братишки, которого она обняла в последний раз. И она снова и снова обещала себе разыскать его. Когда-нибудь. Она знала, что вряд ли найдет отца. И уж точно была уверена, что никогда больше не увидит мать. Брат стал ее надеждой, ее мечтой, в ее сознании он олицетворял собой настоящее счастье, словно был символом новой, лучшей жизни, совершенно не похожей на ее собственную. И Настя, сама не зная почему, была твердо уверена, что обязательно разыщет братишку, и тогда изменится в ее жизни, пойдет совсем по-другому.

Но что может она, маленькая девочка, оставшаяся совершенно одна, в этом большом и таком сложном мире, где тысячи дорог ведут неизвестно куда, где за каждым поворотом ждет новая, порой опасная встреча и где ты никогда не можешь с уверенностью сказать, что произойдет в следующую секунду? Не проще ли оставаться под крышей дома, приютившего тебя, пусть даже и живется тут несладко? Зачем открывать новые пути, когда там, где ты находишься, сейчас спокойно? Спокойно и безопасно. Зачем?

Двоюродная бабушка, приютившая девочку, Людмила Львовна, была теткой Настинной матери. Сгорбленная, высохшая старуха, озлобленная и ненавидящая всех – соседей, родственников, прохожих, коммунистов, демократов, своего ныне покойного мужа и бездельника-сына, нашедшего счастье на дне бутылки (содержимое которой давно стало визитной карточкой России) – была неизменно сурова с девочкой и держала в своем доме лишь потому, что Настя представляла собой бесплатную рабочую силу – молчаливую, безропотную и легко управляемую. Все доступные «удовольствия» в виде уборки, походов по магазинам и за водой, прополки бесконечных грядок, ухода за двумя козочками Людмилы Львовны и ночных пробежек за пивом в ларек для любимого дядюшки достались Насте, получившей взамен ту самую безопасность, в виде крыши над головой, а также возможность продолжить учебу в местной школе, включавшую час в неделю, посвященный занятиям танцами. Единственным ее развлечением стали телевизионные передачи, которые девочке разрешалось смотреть от случая к случаю, то есть когда настроение бабки было чуть лучше, чем «слишком плохое». Выше «так себе» шкала ее настроения не поднималась никогда, и Настя постепенно привыкла жить подобным образом, тем более что и радоваться обеим, действительно, было нечему.

Так вот, в свой двенадцатый день рождения она смотрела телевизор. Переключая каналы, оставив без внимания лыжные соревнования и японский мультфильм, Настя остановилась наконец на документальном сюжете об Испании и, заинтересовавшись, поудобнее свернулась в кресле.

Камера на плече оператора медленно двигалась по одной из центральных улиц Севильи, и оттуда на девочку смотрела другая, незнакомая жизнь, светлая и беззаботная, жизнь залитых солнцем площадей, будто даже сквозь экран благоухающая белоснежными цветами апельсиновых деревьев. Камера вдруг остановилась и замерла, задержав свой всевидящий взгляд на цыганке в длинном розовом платье, танцевавшей босиком на площади под размеренную дробь кастаньет. Сидящий на земле цыганенок бил в небольшой барабан, и смуглая красавица танцевала, гордо запрокинув голову, улыбаясь свободной, всепобеждающей улыбкой, а проходившие мимо люди бросали звонкие монеты в лежавшую у ног мальчика старую шляпу.

Настя медленно поднялась с кресла и приблизилась к светящемуся голубоватым сиянием экрану – улыбка девушки завороживала ее, казалось, она говорила: «Пусть я танцую босиком на площади, пусть у меня нет ваших денег, вашей спокойной тихой жизни, нет и пресловутой крыши над головой, но я счастлива, я свободна и счастлива! Завидуйте мне, потому что вы все лишь мечтаете о счастье, а я знаю его!»

И проходящие мимо люди останавливались и смотрели, смотрели на танцевавшую цыганку, не в силах отвести от нее взгляд, так же как и маленькая девочка за тысячи километров от Севильи, околдованная необыкновенным танцем – радостным танцем Солнца.

Теперь Настя знала, что где-то в мире существует другая жизнь, жизнь, так не похожая на ее собственную.

Девочке потребовалось меньше минуты, чтобы принять решение, и больше она уже не колебалась. Она доберется до этой самой Севильи, она тоже узнает, что значит быть свободной и счастливой, она увидит эту волшебную страну своими глазами, и, так же как эта девушка, она будет танцевать на площади, и люди будут смотреть на нее. А она – улыбаться им в ответ!

Эта девушка родилась на солнечном побережье Испании, ее родители, андалузские цыгане, кочевали по городам, и она жила, не ведая другой жизни, ее спутники служили для нее опорой, защитой и поддержкой, танцами она привыкла зарабатывать свой хлеб.

Настя же была одна, ей ни на кого не приходилось рассчитывать, она не знала языка, не имела заграничного паспорта и, конечно же, денег. Но все это было последним, о чем она подумала в эту минуту.

Она все равно доберется до Севильи и будет танцевать! А потом вернется домой и разыщет брата.

Так будет. В этом она не сомневалась.

Девочка торопливо выключила телевизор, пробралась в свою комнатку, вытряхнула из старого рюкзака школьные тетрадки и ручки, потом, подумав, бросила ручки обратно, положила в него кофту и смену белья, две пары колготок, расческу, зубную щетку, фотографию матери и длинную цыганскую юбку, черную с красными цветами, расшитую сотней оборочек, – ту, в которой она и будет танцевать. Потом Настя натянула старые черные джинсы, ставшие уже тесноватыми в поясе, те самые джинсы, в боковом кармане которых было зашито ее единственное сокровище – две тысячи рублей, подаренные ей подругой матери в день маминых похорон. Настя бережно хранила эти единственные деньги, надежно спрятав их от старухи, и вот теперь пришел черед воспользоваться ими. На миг она задумалась и о бабке, но Людмила Львовна так часто повторяла «чтоб тебя черти забрали» и «подбросили мне нагрузку на старости лет», что отсутствие девочки вряд ли смогло огорчить ее, скорее, наоборот, старуха благословит день, пославший ей избавление от тяжелой опекунской ноши. Настя не сомневалась, что никто не будет разыскивать ее. Она никому не была нужна – девочка уже привыкла к этой мысли и привыкла быть одна. В ее жизни был только брат – единственный близкий человек, и Настя надеялась, что мальчик все еще помнит ее.

С легким сердцем и радостным волнением в душе, от которого слегка кружилась голова, как от шампанского, выпитого ею однажды в день маминых именин, девочка спрыгнула с подоконника и шагнула в черную апрельскую ночь.

Так началось ее путешествие в Севилью – дорога длиною в сотни бесценных дней.

В наши дни случается, детей воруют, и, прости Господи, убивают, продают, угоняют, словно в древние варварские времена, в рабство и используют в прочих, далеко не благородных целях. В общем, оставшись один на улице города, ребенок подвергается неминуемой опасности, и общество взрослых представляет для него прямую угрозу, делая выживание практически невозможным. Поэтому ни одна мать не оставит коляску с ребенком у дверей магазина, поэтому детей всюду провожают и встречают, и никто и никогда не бросит своего ребенка, еще слишком слабого, чтобы встретиться один на один с жестоким миром, не знающим жалости и не делающим никаких скидок на возраст.

Такова реальность. Но не менее реальным остается и тот факт, что с Настей не произошло ничего из вышеперечисленного, никакой вред не был причинен ее жизни и здоровью, и она продолжала свой путь одна, к тому же не имея никаких средств к существованию. Перебираясь из города в город на автобусах и попутных машинах, ночуя на вокзалах и под мостами, Настя миновала все возможные опасности и уверенно продвигалась вперед, хотя и сделала остановку, задержавшись на полгода в Курске, в доме хозяйки небольшого кафе с гордым названием «У Марины». Разумеется, так звали саму хозяйку – высокую статную блондинку лет сорока, одевавшуюся кричаще-вульгарно, что, как ни странно, лишь придавало ее славянской красоте особый шарм. Добрая, но строгая, Марина поддерживала среди служащих кафе железную дисциплину, официантки вышагивали перед ней, как солдаты у Мавзолея, и, сжавшись над съевшейся в углу Настей, сжимавшей чашку с чаем в замерзших руках, Марина предложила ей остаться в кафе, накормила, одела, а потом сделала посудомойкой. И Настя целых полгода мыла грязные тарелки, чашки, бокалы, стараясь не разбить их и вернуть на кухню блестящими,

как когда-то на витрине магазина. Здесь Настя научилась молчать и терпеть, здесь она стала сильнее и взрослее, здесь она получила в подарок от Марины варенье и старую куртку-пуховик, когда в ноябре покинула гостеприимный кров и отправилась дальше – на юг, к Севилье.

– Куда же ты пойдешь, деточка? – удивлялась Марина. – Чего ты там не видела, в своей Испании? Оставалась бы здесь, я бы из тебя такую официантку сделала, закачаешься! А может, клуб бы открыли, танцевала бы ты у меня!

Но Настя лишь с благодарностью кивнула и продолжила свой путь, пренебрегая очередной тихой гаванью, покидая очередной приют.

Через месяц ее, замерзшую, грязную и еле живую – Настя подхватила воспаление легких – привезли в детский дом неподалеку от Геленджика, где она оставалась еще три месяца. При девочке не было документов, она долго не приходила в сознание, а потом, понимая, что сердобольные воспитатели могут начать розыски ее близких, довольно успешно разыграла амнезию – потерю памяти. В итоге девочку окрестили Леной и оставили в покое. Здесь она продолжила свое образование, налегая на географию, чтобы узнать про кратчайший путь до Севильи, и записалась в танцевальный кружок. Здесь ее также просветили, что бывает нечто более страшное, нежели холодные ночи под мостами или беспросветная жизнь в доме бабки Людмилы Львовны, нежели подзатыльники Марины и тоска по пропавшему брату. Скопление под одной крышей болезней и нищеты, ненависти и озлобленности, лицемерия и жестокости и напрасного ожидания перемен – ведь каждый ребенок засыпал с мечтой о новой жизни, о новом доме и новых или старых родителях, с легкостью прощая их предательство и раскрывая им свои объятия, – давило на нее. Угнетенная и подавленная Настина психика не выдерживала, девочка мечтала лишь об одном – чтобы скорее закончилась зима и она могла продолжить свой путь. Она знала, что, оставшись здесь, она сможет рассчитывать на то, что со временем, встав на ноги, отправится в путь уже «оперившимся птенцом». Здесь она, пусть плохо, но накормлена, здесь у нее есть кровать и ей не придется ночевать под открытым небом; но ее душа, не желавшая слушать доводов рассудка, рвалась на волю. Только Севилья – вот все, о чем думала Настя, а в своем упрямстве и своей решительности она доходила до крайности – только белое или черное, других оттенков она не видела и не допускала и мысли о передышке. Любое промедление представлялось ей поражением, и она твердо решила не останавливаться.

Никогда. Пока не будет достигнута ее прекрасная, солнечная цель.

В начале апреля ей удалось окончательно восстановить силы после тяжелой болезни и, наконец, покинув приют обездоленных, двинуться навстречу своей мечте.

В ее рюкзаке, как и прежде, лежала фотокарточка, где мам улыбалась, ей удивительно шел норковый берет и черное короткое пальтишко. Мама смотрела с фотографии, как если бы была еще жива, и Настя иногда по вечерам доставала карточку и пыталась разговаривать с ней. Но слова не шли, и она, вздохнув, убирала снимок обратно в карман рюкзака. Рядом с фотографией нашли место две булочки с корицей и пачка печенья «Юбилейное». И, конечно же, цыганская юбка – черная с красными цветами, расшитая сотней оборочек (правда, теперь девочка доставала ее все реже и реже). Как ни странно, но Севилья не приближалась, а, наоборот, отдалялась от нее, словно недостижимая линия горизонта или разноцветные ворота радуги.

Перед тем как покинуть свой очередной кров, Настя примерила юбку и, к своему большому огорчению обнаружила, что та ей сильно велика.

– Как же я буду танцевать в ней? – с тревогой подумала девочка, она была настроена танцевать только в этой юбке или же не танцевать вовсе.

Однако и это обстоятельство не остановило ее.

Купив на оставшиеся деньги два блока сигарет «Ява», сознательно оставив себе лишь рублевую монетку, Настя уселась на ступеньках лестницы в порту и стала рассматривать пришвартованные у берега корабли. «Большие, сильные и свободные», – думала она, глядя на них с чувством легкой зависти. Но сейчас и она была свободна и с наслаждением вдыхала свежий

морской ветер. Продавая сигареты в порту, она могла находиться здесь, не вызывая подозрения, просто сидеть и разглядывать корабли, вспоминая пережитое за последние месяцы. Благодаря юному возрасту и детскому личику в детдоме ей удалось избежать назойливых приставаний старших мальчиков и жестокого соперничества со стороны старших девочек. Она была для всех служанкой, исполняющей распоряжения и воспитателей, и воспитанников, получая подзатыльники и унижительные замечания от тех и от других. Сидя в порту, Настя размышляла, почему же именно ей выпала эта нелегкая дорога, почему она так одинока и несчастна, почему ее жизненный путь сопровождается бранью и побоями, и все-таки почему она, подвергаясь ежедневной опасности, до сих пор жива? Почему она не замерзла зимой, почему не умерла от голода или болезни, почему, в конце концов, у нее ни разу не спросили документов, и вообще никто даже не сказал: «Девочка, что ты делаешь здесь одна?» Бесконечное «почему» – и ни одного ответа! Возможно, она сама найдет ответ, как и тогда, в случае с отцом.

– Эй, девчонка, почем сигаретки? – окликнул ее рослый парень в матросской форме, отвлекая от нахлынувших мыслей.

– Двадцать, – лениво бросила Настя.

– Давай две. – Он протянул деньги, и еще две пачки сигарет перекочевали к новому владельцу.

– На что смотришь? – поинтересовался он вдруг, перехватив рассеянный взгляд девочки. Этот корабль, – Настя вытянула руку, – он идет в Барселону?

Настя и сама не поняла, был ли ее вопрос вопросом или утверждением.

– Ясное дело, – самоуверенно ответил парень, и, будь Настя чуточку постарше, она поняла бы по хвастливым ноткам в его голосе, что он понятия не имеет о том, куда направляется этот корабль. Но она лишь кивнув, поблагодарила его. Парень вразвалку направился вниз по лестнице, на ходу закуривая сигарету, а Настя, уронив голову на руки, принялась напряженно размышлять. Она думала, как проникнуть ей на этот корабль, но мысли словно бежали прочь, в голове была одна только Севилья, и девочка все пыталась понять: почему же ее так тянет в незнакомый, чужой город? Почему бы ей не отправиться разыскивать брата или отца, или на худой конец, не присоединиться к какой-нибудь танцевальной труппе? Почему Севилья? Неужели танец и улыбка цыганки околдовали ее?

– Не понимаю, – прошептала она, покачав головой, и снова постаралась сосредоточиться.

Потом она спустилась вниз по лестнице к самой воде, где стояли пришвартованные корабли, и, достав из кармана последнюю монетку, бросила ее в воду.

– Я еще вернусь, – тихо сказала Настя, и лишь ветер услышал ее слова.

Свой тринадцатый день рождения Настя опять встретила, свернувшись калачиком, но не в старом кресле напротив телевизора, а на пыльном мешке в трюме корабля, направлявшегося в Барселону и увозившего отчаянную мечтательницу далеко-далеко на юг – в Испанию. Эта поездка стала единственным подарком, который она сама подарила себе в день тринадцатилетия, но лучшего она и не могла пожелать. Когда была жива мама, она делала дочке подарки: игрушки, конструкторы, симпатичные платья и куклу Барби – предел мечтаний всех девочек. Но это было давно. Настя вздохнула и смахнула слезу. И вдруг поняла, что наконец-то она может спокойно поплакать! Просто разрыдаться, и никто: ни Людмила Львовна, ни Марина, ни воспитатели, ни соседки по палате – никто не крикнет: «А ну, замолчи! Немедленно!», и никакой затрещины она не получит! Впервые за последние несколько лет Настя с наслаждением плакала: наконец-то никто не помешает ей облегчить душу, омыть ее слезами, вспоминая все обиды, пожалеть себя и пожаловаться самой себе на судьбу, ведь у нее даже не было подруги, она уже так давно одна! Она почти ни с кем и не разговаривала за последний год!

Но как же хорошо, что сейчас она именно одна в этом черном трюме, совершенно одна...

– Это еще что такое? Кто здесь? – вдруг совершенно отчетливо произнес мягкий женский голос прямо у нее над ухом, и девочка, вздрогнув от неожиданности, вскочила с мешка, вмиг забыв про свои несчастья.

– Кто здесь? – в свою очередь спросила Настя.

Резкий свет карманного фонарика резанул глаза, и она зажмурилась, а когда открыла, увидела перед собой молодую женщину лет тридцати, длинноволосую шатенку, чуть полноватую, но чрезвычайно миловидную, и она приветливо улыбалась девочке.

– Итак, значит я не единственная, кто путешествует подобным образом, – заключила женщина, погасив фонарик. – Могу я узнать, что ты здесь делаешь?

– Еду, – еле слышно вымолвила Настя, еще не опомнившись от неожиданной встречи.

Ее спутница была гораздо спокойнее.

– Исчерпывающий ответ. – Женщина рассмеялась и откинулась на мешок рядом с девочкой. – Как тебя зовут для начала, попутчица? – поинтересовалась она.

– Настя.

– Что ж. Очень приятно, Настя. А я – Олеся. Итак, что же происходит? Ты сбежала из дома? Я правильно понимаю?

– Да, можно и так сказать. – Настя не знала, как еще можно ответить.

– Очень глупо! – Олеся невесело рассмеялась. – Пока ты еще ребенок, ты не понимаешь, что значит – быть дома. Не можешь ценить это счастье. И ты не знаешь, что значит – трудности, я имею в виду настоящие трудности, а не те, которые создает твое воображение!

Довольная произнесенной речью, Олеся закрыла глаза, но тут же снова открыла их, когда услышала ответ девочки. Настя тихо сказала:

– Я не знаю, что такое быть дома. Это правда. Потому что у меня нет дома. У меня нет отца и нет матери. Я потеряла брата и не знаю, увижу ли когда-нибудь его снова. У меня нет родных и нет друзей. Я была в детском доме, жила на улице, работала посудомойкой в кафе, а до этого выполняла всю домашнюю работу у своей бабки. Так что моему воображению не нужно особенно трудиться.

Олеся приподнялась на локте и внимательно еще раз выхватив фонариком из темноты детское лицо, вгляделась в него. Пережитые невзгоды оставили лишь небольшую печать преждевременного взросления и излишней серьезности, но ни капли испорченности или цинизма. Лишь грусть затаилась в глубине чистых голубых глаз, лишь бледная кожа обтягивала впалые щеки, слишком плотно были сжаты губы девочки. Удивительное лицо! Такое детское и такое взрослое одновременно!

– Прости, – испуганным шепотом сказала Олеся. – Просто я забыла, что и у других людей могут быть проблемы. Просто забыла, – повторила она, погасила фонарик и тяжело вздохнула.

На несколько минут воцарилось молчание.

– Ну и куда же ты держишь путь? – поинтересовалась наконец Олеся.

И тогда Настя, повинуясь незнакомому ей порыву, почувствовав странное доверие к этой чужой женщине, рассказала ей все то, чего не рассказывала никому и никогда: про передачу, про цыганку, про улицы Севильи, про путь, пройденный ею, про то, как проникла она на этот корабль, про ее жизнь у бабки, про детский дом, про маму, брата, отца, про свои страхи и надежды и про то, как она будет танцевать на залитой солнцем испанской площади.

– Я не знаю, почему рассказываю вам это, – сказала она, пытаясь объяснить произошедшее самой себе. – Мне просто показалось... Показалось, что вы поймете. Поймете, почему я так хочу попасть туда. И, может быть, объясните мне.

– Во-первых, говори мне «ты», – поправила Олеся. – Я не так уж стара. Во-вторых, мне кажется, я действительно понимаю...

Больше она ничего не сказала, и Настя напрасно выдержала паузу, ожидая продолжения разговора. Но продолжения не последовало, и девочка решила напомнить о своем присутствии задумавшейся собеседнице.

– Что ты понимаешь? – спросила она, чувствуя странное волнение, как если бы в эту самую минуту решалась ее судьба.

– Понимаю, что ты очень хочешь этого. По-настоящему хочешь. И ничто и никто не сможет остановить тебя на пути к твоей мечте. Ты маленькая, но ты сильная. И твои стремления дают тебе силы. Если есть цель, то идти легко. В мире нет никого сильнее того, кто идет к своей цели. Ты доберешься до твоей Севильи, обещаю тебе. Только ты выбрала странный маршрут, – засмеялась вдруг Олеся. – Почему ты считаешь, что из Египта туда добраться проще, чем из России?

– А при чем здесь Египет? – Настя удивленно приподняла голову.

– То есть как при чем? Мы, кажется, плывем в Александрию. А это Египет. Африка. Ты слышала о такой науке, как география? Колумб, Марко Поло и все такое? – Олеся шутливо ущипнула Настю за щеку.

– Мы плывем в Барселону, ты меня разыгрываешь! Как тебе не стыдно? – Настя с притворным возмущением толкнула ее в бок.

– Сожалею, но мне нужно в Египет. Поэтому мы плывем в Александрию, понятно? То есть, вернее, мы плывем в Египет, и поэтому я здесь. Потому что мне – туда. А вот ты, малышка, явно перепутала корабли, – растерянно произнесла Олеся, и в ее голосе не было и намека на шутку.

– Как перепутала? – Глаза Насти мгновенно наполнились слезами.

Значит, тот парень сказал ей неправду! А она-то думала, что плывет в Барселону, что Севилья уже рядом, а вместо этого какой-то Египет, Африка! Ну, почему ей всегда так не везет? Неожиданная беда вновь обрушилась на нее, и, не в силах вынести ее, уткнувшись лицом в пыльную мешковину, девочка зарыдала с новой силой.

– Ну-ну, тише, тише, не плачь! – Олеся подвинулась ближе и обняла ее за плечи. – Не надо плакать, все будет хорошо!

Но, почувствовав чье-то сострадание, Настя, не привыкшая к милосердию и дружеской поддержке, продолжала плакать, выплескивая накопившуюся усталость: ведь впервые за долгое время рядом был человек старше и сильнее ее, и человек этот сочувствовал ей! Не угрожал, не пытался ударить или оскорбить – просто хотел помочь! Это ли не повод расплакаться?

– Тихо, не плачь! – повторила Олеся. – В Египте тоже есть порт. Там ходят круизные корабли, а у тебя уже есть опыт безбилетного проезда. И ты поплывешь оттуда в Марокко, потом на Мальту, а потом и в Барселону. Не плачь, я же сказала, ты обязательно доберешься до своей Испании. Не плачь! Я обещаю тебе, ты доберешься!

Настя вытерла рукой мокрые глаза, а Олеся вытащила из кармана платок и протянула его девочке.

– Ну что, успокоилась? – ласково спросила она.

– Почти. – Настя кивнула. – Прости пожалуйста. Я так давно не плакала. А почему ты едешь в Египет? – продолжила она, все еще всхлипывая, после того как Олеся понимающе кивнула в ответ. – И почему таким способом? Почему не на самолете, не на палубе, почему здесь, в трюме? У тебя нет денег?

– Мне нельзя на самолете, нельзя на палубе, – усмехнулась Олеся. – И мне нельзя домой. Понимаешь, как ужасно? Меня скоро вообще не будет... – добавила она вдруг.

Олеся Василенко – в девичестве Белова, миловидная, веселая, счастливая – такой ее знали окружающие, такой представлялась она и сама себе. Лучшая ученица в школе, потом студентка журфака МГУ, обожаемая родителями и друзьями, а затем сотрудница редакции

журнала, имеющего высокие рейтинги, как в столице, так и в других регионах страны. Три «П» – преуспевающая, перспективная, профессиональная – называли ее в редакции.

Ей было девятнадцать, когда в университетской библиотеке она познакомилась со своим будущим мужем, в то время он был абитуриентом юридического факультета. А через несколько лет его карьера уже быстро шла вверх, а любящая жена Олеся и очаровательная дочка Сашенька обеспечивали надежный тыл, такой нужный в вечной борьбе с нынешней нестабильной жизнью. Олесе никогда не приходилось усомниться в любви мужа, в прочности своей семьи или положения на работе. Что же еще? Ах да, ей необыкновенно повезло и с начальством. Кирилл, ее шеф, души не чаял в Олесе, ведь она отличалась веселым, авантюрным характером, позволявшим ей смело браться за любой репортаж, а особый дар – умение найти общий язык с каждым, понравиться и вызвать расположение собеседника – помогал в самых, казалось бы, безнадежных случаях. Принесенные ею интервью отличались смелостью и откровенностью и неизменно имели успех. Наверное, не было человека, которого Олеся не смогла бы расположить к себе, столько обаяния было в этой невысокой шатенке, в ее неизменной доброжелательной улыбке, и поэтому, когда однажды Кирилл вызвал ее в кабинет, предупредив, что дело «из рук вон», она согласно кивнула головой: что ж, она возьмется и за самый сложный случай, она не боится трудностей!

– Видишь этого парня? – Кирилл протянул ей фотографию красивого молодого человека в темном костюме, облокотившегося на дверь темно-синей иномарки. – Его имя Валентин Алексеев. Он преуспевающий бизнесмен, хотя в его делах не все чисто. Впрочем, нас это не интересует. Тебе нужно познакомиться с ним, постарайся втереться к нему в доверие. Он не должен знать, что ты журналистка. Было бы замечательно, если бы ты смогла устроиться к нему на работу. Конечно, временно... Твоя задача состоит в том, чтобы понять, что такого важного хранит он у себя в кабинете. Многие искали, но там вроде бы все чисто, ничего необычного. Нет ни денег, ни важных бумаг... и все-таки там что-то есть, я уверен! То, что он скрывает от других, находится именно в его кабинете, он охраняет это как банковское хранилище. Постарайся понять, что это. Хорошо? И, кстати, не для журнала. Это просто нужно, понимаешь?

Несколько секунд Олеся молчала.

– Что вы знаете о нем? – спросила она, нахмурившись. – Увлечения, интересы? Чем я могла бы приглянуться ему?

– Кажется, он занимается дайвингом. – Шеф неуверенно пожал плечами.

– «Кажется» – этого мало. Мне нужно знать наверняка. Постараюсь выяснить это.

– У тебя месяц, потом будет поздно, – предупредил Кирилл, и Олеся, улыбнувшись, приложила руку к виску и, стремительно повернувшись, вышла из кабинета шефа.

Несколько дней спустя она уже ужинала в ресторане в компании Валентина Алексеева. В суперкоротком платье с глубоким декольте – банально, но это срабатывает, – и, по-провинциальному растягивая слова, хвасталась успехами, достигнутыми ею при погружении с аквалангом. Тот слегка высокомерно поглядывал на наивную простушку, чуть пригубившую дорогое шампанское, потом разговор плавно перешел на личные темы, а затем и на проблемы трудоустройства. Мечтой этой миловидной девчушки было работать секретаршей у хорошего человека – последнее она произнесла с некоторым вызовом, призывая на помощь подсознание спутника: ведь отказав ей, он признает, что не является таковым! И пусть об этом будет знать лишь девчонка. Как настоящий мужчина, к тому же пребывающий в неизменном восторге от собственной персоны, Валентин Алексеев не смог бы допустить такого. Олеся была принята на испытательный срок с окладом триста долларов в месяц и исправно совершенствовалась в приготовлении кофе и печатании деловой корреспонденции. С каждым днем юбки новой секретарши становились все короче, а макияж все ярче. Ее поведение напоминало откровенную провокацию, впрочем, новый начальник был не прочь подвергнуться подобной атаке. Однажды

вечером, задержавшись после работы, что, впрочем, неудивительно для секретаря и не вызывает подозрений, она перерыла ящики его стола, открыла сейф, простучала каждую дощечку на полу, осмотрела висевшие на стенах картины, но поиски, увы, не дали никаких результатов. Единственное, что смогла придумать Олеся, – это сфотографировать стол Алексева, содержащее ящиков и сейфа, ведь она искала, сама не зная, что именно ищет.

Она продолжала отвечать на бесконечные телефонные звонки, принимать и отправлять факсы, вежливо разговаривать с посетителями, готовить кофе и печатать письма, не забывая приветливо улыбаться своему шефу, бросая на него откровенные взгляды. И как-то после работы они остались в его кабинете, Валентин достал из шкафа дорогой ликер и шоколадные конфеты, и предложил девушке составить ему компанию. Просто на этот вечер, может быть, на неделю, на месяц, не дольше – слишком высоко ценил он себя, чтобы связываться с провинциальной девочкой – секретаршей, даже если она мила и очаровательна.

– Мне так неудобно, право же, – протянула Олеся, устраиваясь на стуле в весьма фривольной позе, опровергавшей ее слова. Казалось, она чувствовала себя на редкость уютно.

– Давай забудем сегодня, что я твой начальник, – предложил он, – просто посидим и поговорим.

Он протянул девушке рюмку с мутновато-кремовым содержимым.

– Просто посидим... – скучающим тоном произнесла девушка, постукивая длинным ноготком по краю бокала.

В ответ шеф одарил ее обжигающим взглядом, и, смутившись, Олеся отвела глаза.

– Эта картина... – спросила она по-детски капризным голоском, не забывая надувать губки, пытаясь заполнить паузу, – откуда она?

– Это из Южной Америки. Я долго работал там. Здесь почти все оттуда. – Он кивнул на предметы, валявшиеся на столе.

Олеся смерила их равнодушным взглядом, запоминая, однако, каждую деталь, и снова опустила глаза в рюмку.

– Если девушка смотрит в рюмку – это дурной знак. – Он шутливо улыбнулся, и Олеся поняла, что обстановка начинает накаляться. Ей пора уходить, если она собирается сохранить свой образ порядочной женщины и верной жены. Месяц был на исходе, нужно было возвращаться в редакцию.

«Пора делать ноги», – решительно сказала Олеся самой себе и под предлогом подвернувшегося предложения о работе покинула не на шутку распалившегося начальника и свое секретарское кресло.

Уже на следующий день она стояла в кабинете Кирилла, предварительно положив ему на стол сделанные фотографии. Сидевший рядом с Кириллом мужчина в поношенном пиджаке и треснутых очках, внимательно шурясь, разглядывал снимки.

– Не вижу ничего особенного, – произнес он наконец. Потом, выслушав подробный рассказ Олеси о ее поисках, снова принялся изучать фотографии.

От ее взгляда не укрылись ни напряженность, присутствовавшая во всем облике Кирилла: шеф ерзал и даже подпрыгивал от нетерпения, как гончая собака на охоте, – ни внимательная сосредоточенность неизвестного мужчины.

– Эти часы... – спросил он вдруг. – Скажите, вы видели их у него на руке?

– Нет. – Олеся покачала головой. – Они всегда валялись на столе. Он говорил, что купил их где-то в Южной Америке по дешевке.

Кирилл и неизвестный переглянулись.

– Спасибо, Олеся, ты можешь идти, – сказал шеф.

«Эй, а вам не кажется, что такое задание больше подошло бы для Джеймса Бонда или Маты Хари?» – хотела спросить Олеся, но не решилась. Главное, весь этот маскарад остался позади и она снова вернулась в любимую редакцию.

Прошло около месяца, странная история начала забываться, когда Олеся, проезжая мимо редакции субботним вечером, вспомнила, что забыла на рабочем столе свой паспорт. Она могла бы забрать его и завтра, но почему-то, повинуясь внезапному порыву, остановила машину и вошла в здание, доставая ключи. Однако, как ни странно, входная дверь была отперта. Удивившись, Олеся поднялась на второй этаж, но и здесь было не заперто! Нехорошее предчувствие закралось в ее сердце, но она привыкла во всем идти до конца. Олеся прошла по коридору, решительно распахнула дверь в кабинет Кирилла... и застыла на пороге. Кровь, кровь и кровь – только это увидела она в первую секунду. На полу, в красной луже, лежали трое: тот самый мужчина в треснутых очках, Георгий, сотрудник рекламного отдела, и сам Кирилл. Олеся медленно приблизилась к нему, борясь с парализующим ужасом, и вдруг шеф медленно и тяжело приподнял веки. Его взгляд был осмысленным, он узнал ее!

Он пошевелил губами, пытаясь что-то сказать, и Олеся, наклонившись к нему, услышала: – Часы... Возьми часы. В кармане.

Олеся поискала руку и в кармане его пиджака действительно обнаружила часы. Те самые, которые видела раньше в кабинете Валентина Алексеева! Дешевые часы из Южной Америки!

Она снова наклонилась к Кириллу, но поняла, что помощь ему уже не потребуется, как не потребуется и неизвестному мужчине, и Жорке. Надо уходить, скорее! Внезапно она услышала шаги, кто-то спускался с третьего этажа. Олеся подняла глаза и увидела дыры, изрешетившие стекла, – ее коллеги были убиты с крыши, сейчас убийца спускается сюда – и ему нужны часы!

Осторожно, стараясь не шуметь, она вышла в коридор и помчалась через черный ход во двор. У подъезда стояла ее машина. Ей удалось уйти живой и незамеченной, и часы были у нее. Только зачем они ей, почему столько шума из-за такой безделушки? Они ведь даже не золотые!

Олеся ехала домой как во сне, пытаясь осознать происшедшее. И сквозь ее скорбь пробивалась полоска страха: а вдруг и ей принесут смерть эти проклятые часы?!

Однако она заблуждалась, думая, что ей удалось уйти незамеченной. В тот же день она поняла – за ней следят. Разумеется, Валентину Алексееву удалось сопоставить два факта: знакомство с Олесей и ее работу в одной редакции с убитыми. Часы были у нее, Валентин не сомневался в этом, как и Олеся – в том, что ей грозит смерть. Чудом ей удалось оторваться от преследователей, и, сидя в холодном пустынном доме, на даче соседей, она размышляла, как же ей быть дальше. Она не может вернуться домой, ведь таким образом она подставит под удар Андрея, Сашку, маму – нет, это невозможно. Но она не сможет и убежать. Ее найдут, обязательно будут искать и найдут. Что же делать? Даже если она вернет часы – Олеся оставалась свидетельницей тройного убийства и шпионкой. Единственный выход – избавиться от улики, только так она сможет обезопасить своих близких. Олеся вздохнула. У нее было всего две улики. Часы и она сама. Первую она выбросила в реку, оплатив час катания на речном трамвайчике; а что делать с собой, она не знала. Олеся привыкла принимать решения быстро. Есть лишь один шанс, и она им воспользуется, а тогда – либо пан, либо пропал. Димка Крылов, ее одноклассник, был влюблен в Олесю с детства, у нее на свадьбе он напился и вопил, что никогда не женится на другой и что она, Олеся, загубила его жизнь. Димка был прочно связан с теневым миром – с фальшивыми документами, отмычками, оружием и прочими дорогостоящими игрушками. Возможно, он сможет помочь ей – или же, если захочет, отомстить.

Олеся вздохнула и направилась к Димке – вручить ему свое будущее. Ирония судьбы – когда-то он так просил ее об этом!

– Да, ты крепко вляпалась, девочка, – резюмировал Димка, наливая ей в стакан водки, – вряд ли тебе удастся выбраться живой. Твой Алексеев найдет тебя и под землей, он большой человек, высоко забрался. Я могу сделать тебе паспорт, но это ничего не даст. Он разыщет тебя. Подумай сама, если он убил троих ради этой игрушки, он будет искать ее и дальше!

– Пусть ищет, ее у меня нет. Но я не хочу умирать, понимаешь? Что мне делать? – Олеся бесстрашно посмотрела на него и залпом осушила стаканчик. – Ты можешь помочь мне?

Димка задумался, поглубже уселся на диване и смешно наморщил лоб. Именно таким, смешным и задумчивым, она и любила его в детстве. Почему он подался сюда? Такая жизнь не для него! Но она не скажет ему об этом...

– Есть один способ, – сказал он наконец, – если они тебя еще не засекли здесь, может сработать! Только не знаю, согласишься ли ты. Тебе придется поехать в Египет и, предупреждая, сразу приготовься сказать «гуд бай» своим дорогим родным и любимому супругу, – слегка язвительно добавил он, а потом продолжил, уже серьезнее: – Там, в Александрии, найдешь некоего Мустафу, я дам адрес. Он поможет тебе, он настоящий колдун. Но знай: с этих пор вот такой Олеси, которую я любил и, кстати, люблю, больше не будет. Ты станешь другим человеком. У тебя будет другое лицо, фигура, мимика, голос – все. Только воспоминания и останутся от прошлой Олеси, понимаешь?

– Нет, – честно призналась она.

– Мустафа работает на секретной базе, финансируемой Америкой. Там проводятся различные исследования, в основном по созданию биологического оружия. А в свободное от работы время он использует лабораторию для своих делишек, поняла? Он сделает тебя другим человеком, и тогда не только Валентин – родная мама тебя не узнает! Поняла?

– Поняла, – прошептала Олеся, и впервые в жизни ей стало по-настоящему страшно...

– Вот, Настенька, – усмехнулась она, окончив свой рассказ, – какая участь меня ждет. И все из-за проклятых часов. И я думаю теперь, когда не смогу больше вернуться домой: почему я не ценила то время, когда была с ними, почему? Моя дочка, ей только семь...

Олеся всхлипнула, и теперь пришла очередь Насти утешать ее.

– Не плачь, – сказала девочка, вытирая ей слезы. – Зато ты начнешь новую жизнь. И станешь еще красивее и счастливее. Я знаю, я обещаю. Не плачь!

Настя и Олеся прощались, стоя на одной из площадей прекрасной Александрии, а мимо куда-то бежали белые туристы, моряки, гиды, арабы; шли женщины в парандже, ослы везли повозки, голодные собаки искали еду, гортанно кричали торговцы в длинных белых одеждах, и в воздухе стоял пряный запах Востока, оповещающая прибывших о том, что они попали в новый, загадочный мир.

– Как здесь жарко! – Олеся вытерла лоб рукой, другой она прижимала к себе девочку.

За дни путешествия в трюме они по-настоящему привязались друг к другу – как очень одинокие, попавшие в беду люди.

– Мы еще встретимся? – Настя подняла на Олесю свои слишком серьезные для маленькой девочки глаза.

– Конечно, – улыбнулась в ответ та.

– Но ведь ты будешь совсем другой, как же я узнаю тебя? – спросила Настя.

– Ты-то не изменишься. Я сама найду тебя!

– Правда?

– Правда, как и то, что ты доберешься до своей Севильи. Если хочешь, я помогу тебе найти твой корабль.

– Нет, – Настя покачала головой, – не сейчас.

И, заметив недоумевающий взгляд старшей подруги, продолжила:

– Раз уж я здесь, в Египте, я хочу посмотреть на пирамиды. Ведь позор – побывать в Египте и не увидеть пирамид!

– Но ведь пирамиды в Каире, это далеко! – возразила Олеся.

– Ну и что! Россия тоже далеко, однако мы здесь! Я хочу их увидеть, понимаешь? Так же сильно, как и попасть в Севилью. Сама не знаю почему, я только сейчас поняла это, но я хочу!

– И никто не собьет тебя с пути, маленькая упрямец! – вздохнула Олеся. – Я дам тебе денег на машину или автобус, чтобы добраться туда, но как ты потом вернешься в Александрию?

– Что-нибудь придумаю! Скажу, что отбилась от группы, не бойся, я не пропаду! У меня ведь такой наивный ребячливый вид! Мне поверят! Обдурю кого-нибудь! – Настя весело улыбнулась.

– Ясно, – Олеся понимающе кивнула. – Ты заразилась моим духом авантюризма. И ты слишком умна для тринадцатилетней девочки. Даже как-то жутко. Пошли, я найду тебе транспорт!

– Я не забуду тебя, – сказала Настя от всей души, обнимая свою новую, первую и единственную подругу.

– Да и тебя, пожалуй, забыть будет трудновато! – заметила Олеся. – Эй, смотри-ка, вон тот мужик, кажется, ничего. И машина у него вроде бы приличная. Пойдем, пообщаемся с ним, может, подбросит тебя к пирамидам, как думаешь?

– Пойдем, – кивнула Настя, и они решительно пересекли улицу, направляясь к вызвавшему доверие Олеся водителю.

– Слушай меня внимательно, – тараторила Олеся, запихивая Настю в небольшой зеленый пикап, державший путь на Каир, обращаясь к смуглому арабу-водителю. – Я даю тебе денег, много денег, ты отвезешь эту девочку к пирамидам. Но учти, если что-то случится с ней, будешь иметь дело со мной. Мой муж бандит, понял? Русский бандит. И он разберется с тобой, если девочка пострадает!

– Не бойся, мадам, – неожиданно почти без акцента ответил сидящий за рулем, – довезу девочку куда надо. Честный, Мехмед честный, никого не обманул, всё хорошо будет, не бойся!

– Смотри у меня! Держись, Настя, искательница приключений! – Олеся в последний раз обняла девочку. – А потом езжай в свою Севилью, танцуй!

– Поехали с нами, – предложил Мехмед, – бесплатно довезу! Один поцелуй – один километр. – И он лукаво подмигнул Олесе, но та только погрозила ему пальцем и ничего не сказала в ответ.

Она посмотрела вслед отъезжающей машине, а затем достала из кошелька бумажку, на которой Димкиной рукой был записан адрес.

Ее ждал волшебник Мустафа.

Как ни странно, Мехмед оказался действительно честным малым, правда, он, не умолкая, говорил всю дорогу и убийственно, в прямом смысле этого слова, «лихачил», демонстрируя все чудеса вождения, но несколько часов спустя Настя прибыла в Каир живой и здоровой. Мехмед довез ее прямо до Гизы, после чего поручил обратно, заявив, что ждать здесь не намерен. Но девочка не обратила на это никакого внимания, она пробормотала слова благодарности и, выскочив из пикапа, остановилась, пораженная открывшимися ее взгляду памятниками Вечности. Желтоватая пустыня свободно раскинулась пред нею, и казавшиеся издавна такими маленькими три пирамиды предстали во всем своем колоссальном великолепии. Здесь было очень много туристов, бедуинов с верблюдами и прочих желающих подзаработать, но на фоне каменных изваяний люди казались мелкими, почти невидимыми и не отвлекали внимания Насти от возникшего пред глазами чуда света. Ее сердце было переполнено покоем и счастьем. Она пошла вперед, не замечая палящего зноя, и, остановившись у подножия, посмотрела вверх. В эту минуту она и самой себе она показалась маленькой и незначительной, все ее проблемы и страхи стали такими ничтожными, сжались, а затем исчезли вовсе, и она отправилась бродить среди камней и песка, не обращая внимания на окрики людей. Она протянула свою руку, ту самую, которая мыла бокалы в кафе Марины, драила полы у Людмилы Львовны, замерзала без варежки в морозные ночи и раздавала матросам сигареты, к огромной каменной лапе Сфинкса, от которой ее отделяла какая-то сотня метров и сотни веков, при-

общившись на мгновение к истории Земли. В его лице увидела она не загадку, как ожидала, а разгадку всех тайн мироздания. В спокойном взгляде Сфинкса, устремленном в бесконечность, таилось необыкновенное довольство собой и окружающим миром, видимо, ему были известны радости жизни. Люди и ветры пытались изувечить каменное лицо, но сделали его лишь еще прекраснее, словно и вправду вечная красота Сфинкса была не подвластна времени.

Настя шла и шла, останавливалась, глядела по сторонам, наслаждаясь покоем, как корабль, нашедший наконец свою гавань, а потом, утомившись, присела на камень, у основания одной из пирамид – пирамиды Хефрена, хотя, конечно, не знала ее названия, и задумалась. Время бежало, но Настя забыла о нем, она забыла и о группе туристов, с которыми хотела вернуться назад, и о том, что неумолимо приближалась черная африканская ночь, звездная и холодная.

Она забыла обо всем на свете – и тут на песке мелькнула чья-то тень. Настя подняла голову и увидела старика араба в белой чалме, наверное, одного из бедуинов. Старик держал в поводу верблюда, животное послушно опустилось на колени, а его хозяин присел на краешек камня рядом с девочкой. Кругом царил странная, почти нереальная тишина, как если бы весь мир вдруг умолк в ожидании предстоящего разговора седого смуглого старика и маленькой белокурой девочки.

И этот разговор произошел.

– Надо же, ты почти не опоздала, – произнес вдруг старик, начертав на песке в подтверждение своих слов солнечные часы. – А я-то боялся, мне придется тебя ждать.

– Что-что? – не поняла Настя. – Вы ждете меня?

Старик молча кивнул головой.

– И зачем же? – Девочка повернулась к нему. Она привыкла ничему не удивляться, но это превосходило все ее представления о возможном!

– Затем, чтобы отвезти тебя в свой дом, зачем же еще. Пошли!

Араб встал, протянул ей руку, и Настя, никогда не доверявшая никому, никогда не разговаривавшая с незнакомыми, вдруг почувствовала, что внезапно какое-то странное единение возникло между ними, людьми из двух совершенно различных миров. Она поднялась, повиная наитию, и последовала за ним. Старик поднял девочку и усадил ее на верблюда, затем ловко вскочил на него сам, и животное послушно побрело вперед, руководимое чуткими пальцами хозяина.

«Что это? Что творится? – подумала Настя. – Разве я собиралась встречаться у пирамид с каким-то стариком? Мне ведь нужно в Севилью!»

– Севилье придется подождать, – сказал вдруг старик, будто подслушав ее мысли – Сейчас тебе нужно быть здесь.

– Зачем? – потрясенная, Настя не могла выговорить ничего больше.

– Ты задала слишком много вопросов. Теперь пришло время ответов. И ты их получишь.

Через пару часов, которые они проехали молча, вдали показались неясные тени, небольшой оазис, несколько пальм и источник, рядом с которым находилась хижина старика.

– Этого оазиса нет на карте, – усмехнулся он, – люди предпочитают обходить его стороной.

– Боятся? – поинтересовалась девочка.

– Да, меня считают колдуном, приходят только когда им очень нужна помощь. Что ж, мне же лучше. Не люблю незваных гостей. А теперь слезай, мы приехали.

Верблюд опустился на колени, и Настя, спрыгнув, оказалась у порога низенького глиняного жилища, в котором слабо мерцал огонек.

– Проходи. Это мой дом. Кстати, и твой тоже. – Старик прошлепал в так называемую комнату, кстати, единственную и, достав из угла матрас, бросил его на пол. – Это будет твоя постель, – пояснил он.

– Я что, надолго здесь? – спросила девочка, опускаясь на набитую травой подстилку.

– Смотря с чем сравнивать! – лукаво улыбнулся ее новый знакомый, пощипывая свою седую бороду. – Во всяком случае, пока не узнаешь ответа на свои вопросы.

– Но разве я задавала вопросы? А кстати, как вас зовут?

– Вот видишь, ты задаешь вопросы! Зови меня Учитель.

– А другие как вас зовут? – спросила она.

– Не знаю, – усмехнулся бедуин. – Видишь, на простой вопрос – простой ответ. – Он опустил на подстилку рядом с ней. – Для того чтобы получить ответы на другие вопросы, тебе придется многое узнать и многому научиться.

– Но ведь я ничего не спрашивала, – снова робко заметила Настя. – И мне надо идти!

Старик достал тряпичную котомку, развязал ее, вынул оттуда жесткую лепешку и разломил ее на две части.

– Ешь, это твой ужин, – он протянул одну из них девочке, подвинув к ней кувшин с водой.

Лепешка показалась Насте жесткой и пресной, но хозяин дома ел с явным удовольствием, видимо, он привык к такой пище, и Настя смутно догадывалась, что они теперь всегда будут питаться подобным образом.

– Так ты хочешь, чтобы я напомнил тебе вопросы? – заговорил он. – Что ж, пожалуй, так будет правильно. Легче искать ответы. Разве ты не спрашивала, где твой отец? Где твой брат? А почему тебе так хочется попасть в Севилью и танцевать там? Или почему именно тебе так не везет? Почему жизнь других девочек складывается иначе? Почему, в конце концов, ты добралась сюда одна и без денег, но осталась живой не невредимой, почему никто не спрашивал у тебя документов, никто не помешал пробраться на корабль? Может, тебе покровительствовал кто-нибудь очень могущественный? Почему наконец я сказал, что ты вовремя? Разве тебе не хочется узнать об этом, Настя?

– Вы знаете, как меня зовут, – прошептала девочка, окончательно растерявшись, – и вы знаете, где мой брат! Вы скажете мне?

Она машинально схватила нового знакомого за руку, но тут же, опомнившись, поспешно спрятала свою руку за спину.

– Я – нет. Но ты сама узнаешь об этом, когда придет время. Нужно только начать учиться.

– Так давайте! Я готова начать прямо сейчас! – горячо сказала она. – Найти брата – моя самая большая мечта!

– И ты не будешь жаловаться, наберешься терпения и забудешь о времени? – Старик смерил ее хитрым взглядом.

Настя зажмурилась и решительно кивнула.

– С чего же мы начнем, Учитель? – спросила она.

– Пожалуй, с языка, – ответил тот.

– С языка? – удивленно переспросила Настя.

– Да, с языка. Ты понимаешь все, что я тебе говорю?

Девочка уверенно кивнула в ответ.

– И какими же языками ты владеешь?

– Русским, во-первых, – Настя считала, загибая пальцы, – а еще я учила в школе английский и немного, совсем немного французский, всего год.

– И что? Я говорю по-русски? – поинтересовался ее учитель.

Настя покачала головой, и ее охватила смутная, непонятная тревога, она готовилась услышать откровение, узнать тайну, разгадать загадку.

– Или, может быть, по-английски или по-французски? – язвительно продолжал старик.

– Нет, – тихо ответила она, окончательно растерявшись.

– Нет. Вот именно – нет! И, тем не менее ты прекрасно понимаешь меня. Почему?

– Я не знаю...

– Потому что я говорю на языке, известном всем. На языке, на котором говорили первые люди, и люди до нас, и люди до них, на языке, на котором можно говорить с Богом.

– Разве есть такой язык? Я не слышала о нем.

– Когда та цыганка танцевала на площади, ты поняла, что она хотела сказать своим танцем? Своей улыбкой? – спросил Учитель.

Девочка кивнула в ответ, уже не удивляясь, что старик знает про цыганку.

– А когда кто-то смотрит на тебя с ненавистью? Ты понимаешь это? Независимо от его национальности, не так ли?

– Но ведь они говорят без слов! – возразила новоиспеченная ученица. – А вы говорите и используете слова.

– Это тебе кажется, что я использую слова. Я привел тебе примитивные примеры владения этим языком: улыбка, танец, взгляд. Я же говорю на нем в совершенстве, и ты должна будешь выучить его также.

– Это вроде телепатии? – догадалась Настя.

– Считай, что так. Со временем ты выучишь его. Понадобится всего несколько лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.